

СЛАВА БОГАТЫХ

РАЗВОД

СКАЖИ МНЕ ПРАВДУ

Слава Богатых

Развод. Скажи мне правду

<https://litres.ru/74559438>

Аннотация

КНИГА ЗАВЕРШЕНА ПРОМОКОД

AbB5gEbU

— Вот ты где, проказник! — захожу в баню, но изнутри уже не кот мурлычет, а... стоны?

Мой муж и... племяншка, которая годится мне в дочери!

— Дима! Ты что творишь?

Но вместо извинений муж злобно отвечает:

— Ты что, следишь за мной? Сначала роешься в моих вещах, а теперь врываешься в чужую сауну со своим уставом! Выйди и дверь закрой!

Двадцать пять лет брака пролетели как один миг. Я думала, что любима и окружена заботой.

Но суровая реальность оказалась не алмазным стеклом, а хрупким китайским фарфором.

Муж выбросил меня на обочину жизни, назвав старухой.

Как начать жизнь с нуля в 45?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	20
Визуалы - Катя и кот	24
Визуалы - муж героини	26
Глава 4	29
Визуалы Аня	35
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	69
Глава 10	77
Глава 11	83
Глава 12	90
Глава 13	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Пролог

— Марсик! Кыс-кыс, ну где тебя носит?! — шепчу я, шаря взглядом по соседнему участку сестры, когда от бани доносится тоненькое «мяу», такое знакомое, что сердце екает от облегчения.

— Вот ты где, проказник! – с облегчение выдыхаю я, направляясь к постройке.

Дверь тихонько приоткрыта, и изнутри слышится уже не кошачье мурлыканье, а что-то... другое. Тягучее, странное.

Мороз пробегает по коже, но я отмахиваюсь от дурных мыслей, мало ли что.

Я толкаю дверь пошире, и звук становится громче, отчетливее – стоны. Из парилки? В голове проносится вихрь самых абсурдных догадок, пока я, словно сомнамбула, подхожу к тяжелой дубовой двери.

Сердце колотится где-то в горле, а дыхание перехватывает, предчувствуя нечто отвратительное.

Один рывок, и... перед глазами предстает картина, достойная кисти самых нескромных художников: мой муж, мой Ди-

ма, потный и красный, на одной из скамей, а на нем... на нем моя племянница, Маша, которая год назад просила меня вы-брать ей платье на выпускной, а я шутила, что скоро буду гулять на её свадьбе.

Ее глаза, только что закрытые от наслаждения, теперь расширены от ужаса, как у пойманного кролика. В этот момент кажется, что в моей груди рвется что-то хрупкое, тонкое, то, что я берегла годами. Воздух сгущается, и я чувствую, как легкие отказываются работать, а на губах сама собой растягивается кривая, жесткая улыбка.

— Дима, мать твою — цежу сквозь зубы, — Ты что вытворяешь?!

Дима подскакивает, но вместо извинений только злобно отвечает:

— Катя, ты что, следишь за мной? Сначала роешься в моих вещах, а теперь врываешься в чужую сауну со своим уставом, - зло рычит он, будто это я в чем-то провинилась, а он чист - как после бани.

Маша жмётся за ним, как мышь:

— Тётя Катя... мы...Вы не так все...

— О, нет, Машенька, всё я прекрасно поняла, — кидаю на них убийственный взгляд и замечаю те самые часы на ее запястье.

— Смотри как бы алмазное стекло не треснуло от пара.

— Не треснет, - ядовито выплевывает муж. — потому что Маша достойна таких подарков, а ты - сама скоро треснешь от старости!

Дорогие мои читатели, очень рада приветствовать Вас в своей новинке! Отдельное спасибо за добавление книгу в библиотеку, звездочки, комментарии и награды! ##

Книга пишется в рамках литмоба "Серебряный развод".

#серебряный_развод

Другие книги литмоба можно найти здесь:
<https://litnet.com/shrt/TC1i>

АЛИСА ВИШНЯ

РАЗВОД
НОЖ В СПИНУ

Глава 1

Марсик, наш серо-белый полосатый проказник, восседает на столе в кабинете, как пушистый судья на кресле. Ему не хватает только чёрной и мантии молоточка в лапке. «Всем встать, кот сидит»!

Кот с умопомрачительным мурлыканьем топчет лапками папку с грифом «Секретно», а я стараюсь этого не замечать, потому что в этот момент пытаюсь навести хоть какой-то порядок в дипломате мужа.

Дима, мой блестящий адвокат-уголовник, с утра носился как угорелый, собираясь в суд. Его кожаный дипломат сейчас напоминает помойку после новогодних праздников: протоколы перемешаны с чеками, ходатайства — с огрызками жвачки. Здесь даже есть кожура от мандарина. Если ее немного подсушить, можно сделать домашнее желе, которое просто обожает моя племянка Маша.

— Марсик, — говорю я, выуживая из недр дипломата смятый в комок галстук, — Смотри, что папочка еще сюда запихнул! Это не портфель, это преступление против закона и порядка.

Кот в ответ блаженно жмурится и вытягивает шею, чтобы я почесала ему за ухом. Внезапно его пушистый хвост, будто метла дьявола, задевает дипломат. Тот пошатывается на краю стола, отчего из бокового кармана с тихим стуком вываливается продолговатый черный футляр. Падая, он предательски раскрывается.

Я замираю с галстуком в руке.

На черном бархате лежат часы. Женские. С темно-синим циферблатом, по которому рассыпаны крошечные бриллианты, и таким сложным браслетом, что, кажется, его собирали ювелиры с лупой в руках. Они не просто сверкают. Они ослепляют своей красотой. И буквально кричат: «Мы слишком шикарны для тебя!»

— Опа, — тихо произношу я, поднимая футляр с часами.
— А это что у нас тут такое?

В этот момент в кабинет врывается Дима, словно ошпаренный.

— Показания эксперта забыл! — бросает он на ходу и замирает, увидев меня с футляром в руках. Его взгляд молниеносно пробегает от моего лица к часам и обратно. Я вижу, как по его лицу проносится целая буря: паника, ярость, раз-

дражение.

А я не могу сдержатъ улыбки. Широкой и очень довольной.

— Ну, адвокат, — протягиваю я, подбрасывая футляр в руке, — Это твои вещдоки? Очень уж они... кричащие. Наш скромный юбилей явно перерастает в светское событие. Мой подарок тебе покраснеет от комплекса неполноценности на фоне твоего...

Его лицо темнеет.

— Ты что, устроила обыск в моих вещах?

— Обыск? — фыркаю я. — Попов, я провожу спасательную операцию! Твой дипломат выглядел так, будто его пытали, чтобы выведать государственную тайну. А Марсик был судьей. — Киваю на кота, который с невинным видом умывает лапу. — И он «умывает руки» после того, что увидел.

Но Дима почему-то даже не улыбается. Мое хорошее настроение его похоже бесит.

Марсик, почуяв неладное, решает перейти в наступление и начинает тереться о Димины дорогие туфли. Дима с раздражением отпихивает его ногой.

— Иди отсюда! — зло бросает он коту.

— Эй, полегче с Вашей честью! — вступаюсь я за кота. — Он у нас тут главный. И, кстати, тебе повезло — он явно одобряет твой выбор. — я вновь указываю на часы. — Хочешь, я могу их примерить... Посмотрим, как они смотрятся с моим вельветовым халатом?

— Катя, хватит дурачиться! — рычит он. — Ты все испортила!

— Что я испортила? — искренне удивляюсь я. — Твой имидж аскета? Так он и так был под большим вопросом после той истории с караоке. А эти часы дорогие? — спрашиваю я, продолжая их рассматривать. Они настолько красивые, что аж дух захватывает.

— Дорогие, — чеканит муж и тянет руку, чтобы забрать из моих рук футляр.

— Сильно дорогие? А давай сдадим их и купим на все бабки гномиков с фонариками для сада или хрустальных сов, в честь нашей годовщины.

Я говорю это с улыбкой, пытаюсь сбить его пыл, но он

только звереет.

— Давай сюда! — он выхватывает у меня футляр. — Я сам все решу! Поеду и сдам эту... эту ненужную тебе роскошь!

— Ага, — поднимаю бровь. — Потому что нет ничего романтичнее, чем вернуть подарок в магазин в день серебряной свадьбы. Это ж новый тренд!

Он с такой силой захлопывает крышку, что, кажется, треснет сапфировое стекло.

— Все! Поздно! — рычит муж.

Глава 2

— В суд я опоздаю, — с нескрываемой злостью продолжает он. — А на юбилей меня рано не жди теперь. Буду искать весь вечер тебе какой-нибудь... практичный подарок! Который тебя устроит.

Он говорит все это обвинительным тоном. И я начинаю чувствовать себя преступником, но все же не оставляю попыток заставить мужа улыбнуться и выдохнуть. Похоже, он такой нервный потому что сильно переживает, перед сложным судом.

— Ура! — восклицаю я. — Мечта сбывается! Новый набор кастрюль!

— Ты как всегда! — взрывается он. — Все превращаешь в фарс!

— Лучше уж в фарс, чем в трагедию! — парирую. — А то у тебя прямо шекспировские страсти разыгрываются на ровном месте.

— Это ты их и разыгрываешь, — его голос становится ядовитым, — Ведь это ты позвала на годовщину свою сестру

с её отпрысками!

Я перестаю улыбаться.

— Аню, Машу и Максима? Да, позвала. А что, это для тебя проблема?

— Проблема? Они живут в двух шагах! Ты и так видишь их каждый день! А это наш юбилей, Катя! Я хотел посидеть с тобой, а не с твоей огромной шумной семейкой!

— Ой, извини, что моя семья тебе не нравится! — руки сами упираются в боки. — Маша — как раз закончила первый модуль с отличием, а Максим научился новому фокусу и ждал этого вечера, чтобы всем его показать! Но нет, мы же должны сидеть в гордом уединении и молча любоваться на то, как ты протягивая вино просидишь весь вечер в телефоне?!

— Я хочу провести вечер с женой! — почти кричит он.

— Знаешь что? — перебиваю я его, подходя вплотную, но затем шумно выдыхаю. Не хочу ссориться с мужем в канун нашего праздника. Может он прав? Это должен быть только наш день. А с сестрой и племянниками я проведу другой вечер.

— Ладно.... - решаю я отступить. — Так и быть, Попов, я

отменю приглашение... А с тебя - часы, не надо их сдавать.

Дима смотрит на часы на своем телефоне.

— Слишком поздно, — произносит муж, а я не могу понять: говорит он это про время или про ситуацию с часами. Но следующие слова мужа, которые он произносит с нескрываемым пренебрежением, лишают меня последней капли позитива: — Ты — меня ненавидишь, специально испортила сюрприз, который я так долго готовил. Так что можешь забыть об этих часах!

Слово «ненавидишь» повисает в воздухе тяжелым, ядовитым облаком. Оно душит. В последнее время он все чаще бросает его в меня, будто обвинительный приговор. «Ты меня ненавидишь, суп пересолила». «Ты меня ненавидишь, не выключила свет в коридоре». А теперь — за то, что нашла его подарок.

Я смотрю на него, и мне кажется, что вижу не того мужчину, за которого вышла замуж двадцать пять лет назад. Этот человек смотрит на меня с холодной неприязнью, и я не понимаю, откуда она взялась. Что я сделала не так? В какой момент моя ежедневная любовь и забота в его глазах превратились в ненависть? Во рту пересыхает, а в груди возникает острая, ноющая боль, будто там сорвали старую, едва зажив-

шую рану. Мое терпение, которое я так старательно собирала по крупицам, лопается, как мыльный пузырь.

Нет, я больше не в силах это слушать. Каждая его фраза — будто удар хлыста. Обида, злость и леденящее недоумение подступают комом к горлу.

Глава 3

— Делай, что хочешь! — вырывается у меня, и голос звучит хрипло, почти как чужой. — И свой мусор из сумки разгребай сам. А то я и там что-то испорчу. Например, твоё настроение. Ой, прости, оно уже было испорчено до меня!

Я разворачиваюсь, скрепя тапками по проекту и на высокой скорости выхожу из кабинета, хлопнув дверью так, что с полки слетает пара юридических кодексов.

Я иду по коридору, стиснув зубы, чтобы не закричать. Мне хочется разбить что-нибудь, хлопнуть ещё десятком дверей, выплеснуть наружу всю эту боль, которую он в меня так методично вбивает. Но я лишь сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони, и прямиком направляюсь на кухню.

Зайдя на кухню, с ходу наливаю себе бокал того самого «Мерло», что припасла на вечер. Этому вину столько же лет, как нашему браку. Я планировала пить его с наслаждением, растягивая удовольствие. Но вместо этого залпом выпиваю большой глоток, даже не пытаюсь услышать ароматом и распробовать вкус. Просто чтобы смыть с языка этот горький привкус ссоры.

— Ничего, — говорю я себе вслух. — Вечером будет праздник. Будем веселиться. И если он думает, что своим хмурым видом испортит мне все, он сильно ошибается!

Из кабинета доносится возмущенный вопль: — Да чтоб тебя! В туфлю! Прямо в туфлю!

Марсик не подвел. Отомстил за меня. Я хмыкаю. Потом я слышу тяжелые шаги, хлопок двери, и оглушительный удар входной.

Я допиваю вино из бокала, чувствуя, как по телу разливается теплая, обманчивая волна спокойствия. Тишина, наступившая после его ухода, кажется звенящей. Как вдруг в ней слышится скрип открывающейся двери.

Сердце подскакивает и бешено колотится где-то в горле. Неужели одумался? Понял, что был неправ? Решил извиниться?

Я натягиваю на лицо улыбку, стараясь, чтобы она выглядела хоть чуть-чуть естественной, и выхожу в коридор. Всегда готова на примирение с мужем, стоит ему лишь поманить меня пальцем. В глубине души все еще теплится глупая надежда, что он обнимет меня и скажет, что это всего лишь

нервы, тяжелый процесс, что он не думает на самом деле, что я его ненавижу. А главное скажет мне волшебные три слова: «Я тебя люблю!» Или хотя бы два: «Часы - твои!»

Иду по коридору гордо вскинув голову. Сейчас я напоминаю себе героиню из сериала, которую сложно сломить. Она умеет быть всегда на высоте, даже когда её лицо пытаются утопить в грязи.

— Ну что, признаешь свое поражение, Попов - великий адвокат?... — произношу я сходу уверенным голосом, выходя из коридора в прихожую.

Но на пороге стоит не Дима.

Приглашаю вас в еще одну горячую новинку литмоба "Серебряный развод" от замечательного автора!

Марьяна Зун

РАЗВОД. ЕСЛИ ТЫ УЙДЕШЬ

<https://litnet.com/shrt/HJ-Z>

СЕРЕБРЯНЫ

РА

ИС

Визуалы - Катя и кот

рогие читатели, познакомимся с нашими героями:

Екатерина (45 лет) - любящая жена. Взрослая дочь переехала жить в Санкт-Петербург, и теперь Катя всю свою любовь и заботу посвящает мужу. Ушла с работы юристом, чтобы поддерживать домашний очаг их частного дома, о чем ее попросил муж. Помогает ему по судебным делам.

И Кот Марсик - ## своенравный серо-белый кошак. Не даст в обиду ни себя ни свою любимую хозяйку.

Визуалы - муж героини

Дмитрий Попов - пока ещё муж. Работает адвокатом в коллегии адвокатов "Щитов и партнеры". Целыми днями пропадает на работе. Имеет взрывной характер. Тихо ненавидит кота.

Глава 4

Это сестра Аня, с формой для пирога в руках, застыла в нерешительности на пороге. Ее взгляд — быстрый, скане-рообразный — скользит по моему лицу, и я буквально чувствую, как она считывает каждую эмоцию: остатки гнева, дрожь от несправедливых обвинений и это дурацкое, предательское желание расплакаться.

— Привет, Кать, а я... дверь была открыта. Ты чего такая на взводе? — ее голос звучит мягко, настороженно. — Где Дима? В суд умчал?

Я опускаю плечи, давая себе секунду на то, чтобы мое дыхание выровнялось, но тут же снова выпрямляюсь. Нельзя показывать, как сильно он меня ранил. Никому. Даже ей.

— Умчал, — подтверждаю я, стараясь, чтобы голос звучал легко. — С таким видом, будто собирается судить не преступника, а целый клан Сопрано.

Аня качает головой, ставит форму на пол и снимает куртку. Ее движения резкие, чуть сердитые.

— Ну, значит, пирог будем печь без него. И пробовать,

желательно тоже... без его юридической душноты. Смотри, его нет — и дышать сразу легче в вашем доме.

— Ань, ну никакой он не душный. Просто он же юрист. У него все должно быть разложено по полочка, - защищаю я мужа, которого сестра недолюбливает и даже не скрывает этого.

Если честно, я сама в этом частично виновата. Потому что часто жалуюсь ей на него — на его грубость, на его уход в работу, на полное отсутствие хоть какого-то внимания и ласки, которых мне не хватает, как кошке, которую забыли погладить. Я

высказываю все это Ане, и мгновенно забываю обиды на мужа. А у Ани другой характер - она не злопамятная, но память у неё с детства хорошая.

Марсик, услышав знакомый голос, медленно и с достоинством спускается с лестницы, потягивается во всю длину своего серо-белого тела и направляется к сестре. Он ее обожает. Делает вокруг нее приветственный круг, высоко подняв хвост трубой, и обтирается о ее ноги, громко мурлыча.

— А, здравствуй, пушистый адвокат, — Аня наклоняется, чтобы почесать его за ухом. — Тоже от процесса отдохнуть пришел?

— Ага, — весело подтверждаю я. — От процесса поедания своего корма.

Мы проходим на кухню. Воздух еще пахнет кофе и моим недавним разочарованием. Сестра сразу замечает почти допитый бокал и бутылку на столе. Я беру свой бокал в руку и наполняю его наполовину.

— Уж свет и на ногах, и с бокалом в руках, — с легкой дружелюбной ухмылкой говорит сестра. Мы с ней обе - ироничные язвы с пеленок. Вобрали все лучшее от нашего отца - известного адвоката.

— Преступление раскрыто. Подозреваемая полностью признает свою вину, — парирую я.

Аня улыбается, ее глаза теплеют.

И у меня разом отлегло от сердца. Стоило ей войти, сказать пару фраз — и становится сразу так тепло и уютно, будто все эти дурацкие проблемы с Димой отступают на второй план, становятся меньше и незначительнее. Она — мой антитод от его яда.

— Тебе налить? — спрашиваю я, уже доставая из шкафа

высокий бокал.

— Нет, я сегодня не пью... по крайней мере до вечера...

— Мне надо будет скоро ехать на вокал, - продолжает сестра. — Вот только пирог вместе сделаем...

— Так выпей бокал и езжай на вокал. Споешь душевнее, — не сдаюсь я.

Сестра широко улыбается, отчего на ее лице появляются смешливые морщинки в уголках глаз. Нам всегда нравились шутки друг друга, этот наш общий, немного абсурдный код общения. А вот муж моего юмора никогда не ценил. Его веселят только грубые мужские шутки с нецензурной бранью или тонкий, многослойный юридический юмор, который я никогда до конца не понимала, хоть сама росла в семье юриста.

Мы начинаем готовить пирог. Точнее, сестра готовит, а я медленно пью свой второй бокал, сидя на высоком табурете и наблюдая за ее уверенными движениями.

Она достает муку, яйца, сахар. А у меня в голове вертится один и тот же вопрос: как ей так сказать, что сегодня мы с Димой будем праздновать одни, чтобы ее не обидеть?

Я делаю еще глоток вина, набираюсь смелости и нахожу слова.

— Слушай, Ань... Дима сегодня намекнул, что хотел бы отметить... с глазу на глаз. Нервничает, дела у него сложные. Так что, наверное, вечером... мы побудем одни.

Аня на секунду замирает, замешивая тесто. Ее спина напрягается.

В этой тяжелой паузе я вдруг с ужасом осознаю, что сейчас делаю. Я отталкиваю единственного человека, который всегда на моей стороне, ради того, кто сегодня утром с ненавистью в голосе сказал, что я все порчу. Пауза, кажется, длится вечно. Потом Аня поворачивается...

Друзья, приглашая вас в еще одну ##горячую новиночку литмоба "Серебряный развод" #сереьряный_развод, строго 18 +

книга автора Алиса Вишня

"Развод. Нож в спину": <https://litnet.com/shrt/aCkw>

СЕРЕБРЯН

Р

РАЗВОД ГРЯ

ПОСОВЕТА

Визуалы Аня

Аня - старшая сестра Кати. В разводе. У неё двое детей - сын Максим (5 лет) и дочка Маша (18).

Аня разведать с мужем, когда узнала, что он ей изменяет с её лучшей подругой Женей.

Глава 5

На ее лице — старательная, натянутая улыбка. Кажется, будто она хотела что-то сказать, но затем передумывает.

— Ну, конечно, ничего страшного. Это же ваша годовщина. Все правильно.

Хотя прекрасно видно, что она немного расстроилась. Она так ждала этот вечер, мы уже все обсудили, она купила продукты. И ее расстройство, в свою очередь, расстраивает и меня. Получается, я снова между двух огней: между мужем, который требует уединения, и сестрой, которую сама же позвала. Чувствую себя просто отвратительно. Как говорится, кошки скребут на души. Да и Марсик рядом тоже скребет - точит ноготочки о любимый стул моего мужа.

Но Аня — настоящий профессионал по спасению ситуаций. Она тут же хлопает в ладоши, обсыпанные мукой.

— Так, хватит бездельничать! Иди мой руки и чисти яблоки. Я просто так эксплуатировать себя не позволю!

— Яблоки, так их для начала собрать надо! - шучу я. Конечно же яблоки я собрала ещё вчера. У нас в саду целых четыре яблони, этой осенью - урожая хоть отбавляй. Мне при-

ходится тратит по полтора часа в день, чтобы опавшие яблоки не валялись на газоне. Дима это не любит.

Мы смеемся, и напряжение немного спадает.

Я встаю, подчиняюсь и с удовольствием погружаюсь в монотонную работу. Чищу и режу яблоки, сбрызгиваю их лимонным соком.

— А теперь минутка новостей из жизни моих джунглей, — Аня ловко раскатывает тесто. — Мой фокусник-иллюзионист Максим вчера чуть не поджег квартиру, пытаясь устроить файер-шоу. К счастью, сейчас он в садике, и я могу быть спокойна за свое жилище.

— О боже, Ань! Кошмар, за ним глаз да глаз! А как там Маша отдыхает на каникулах?

— Не то слово., — продолжает сестра, — А Маша на каникулах устроилась помощником в круглосуточную ветклинику. Пропадает там с утра до ночи, приходит — и сразу спать. Говорит, хочет стать ветеринаром.

Услышав это, Марсик, до этого мирно дремавший на стуле, вдруг поднимает голову, отшатывается и издает жалобное, полное трагизма «Мяу!», будто ему только что постави-

ли страшный диагноз.

Мы переглядываемся и одновременно взрываемся хохотом.

— Видишь? — я вытираю слезу, выступившую от смеха.— Даже Марсик против такой карьеры. Боится, что племянница сделает его своим первым пациентом.

— Нет уж, — Аня гладит кота по голове. — Нашего полосатого разбойника трогать запрещено. Он у нас неприкосновенная личность.

Ставим форму с готовым тестом и щедрым слоем яблок в разогретую духовку. Включаю таймер. Аромат корицы и ванили начинает медленно наполнять кухню, вытесняя остатки тяжелой атмосферы.

Аня моет руки, смотрит на часы.

— Все, я побежала, а то опоздаю. Не сожги пирог, гениальный повар.

— Постараюсь, — улыбаюсь я ей в ответ.

Мы обнимаемся на прощание у двери. Я решаю не рассказывать ей про сегодняшнюю ссору, про часы, про его слова о

«ненависти». Зачем? Чтобы видеть в ее глазах гнев на Диму? Нет уж. Я сама как-нибудь разберусь.

Она убегает на вокал, а я остаюсь вдвоем с Марсиком. В доме снова тихо, но теперь эта тишина не давит, а кажется мирной. Я решаю еще немного поспать, в обнимку с котом.

Забираюсь на диван в гостиной, Марсик тут же устраивается у меня на груди, словно пушистое, мурчащее одеяло. Беру планшет, открываю любимый сайт — как раз должно было выйти продолжение книги, которую я ждала несколько дней.

Читаю, пролистываю страницы, постепенно погружаясь в вымышленный мир, где проблемы решаются магией, а не молчаливым упреком за ужином.

Потом принимаю долгую, горячую ванну с пеной, привожу себя в порядок. Делаю маску для лица, аккуратно укладываю волосы. Начинаю потихоньку готовиться к вечеру.

Выбираю платье — яркое и элегантное, темно-красного цвета, которое Дима когда-то назвал «моим».

Начинаю накрывать на стол: скатерть, наши лучшие фужеры, серебряные приборы, доставшиеся от бабушки. Каж-

дое движение — попытка настроиться на праздник, вернуть себе то радостное ожидание, которое было утром.

Если бы я только знала заранее, к чему мне на самом деле придется готовиться... Я бы не надевала это платье. Не ставила бы на стол его любимое вино. Я бы схватила Марсика, эту открытую, но не допитую бутылку «Мерло» и умчала с Аней на ее урок вокала, а затем на караоке, чтобы петь громкие, бессмысленные песни до хрипоты. Я бы провела этот день совсем иначе...

Хочу вас познакомить с еще одной, очень эмоциональной, книгой литмоба "Серебряный развод" для читателей 18+

Айнави, Джулиан Хитч

"Развод. Ответный удар"

<https://litnet.com/shrt/VE0r>

СЕРЕБРЯН

Р

ВО МНЕ КИПЯ

Глава 6

Пирог, золотистый и благоухающий, остывает на решетке. Я навожу последние штрихи на столе: поправляю салфетки, ставлю вазу с поздними астрами из сада. Все должно быть идеально. Этот вечер должен все исправить, смыть утреннюю горечь, как горячий душ смывает ночной пот.

Я ловлю себя на том, что прислушиваюсь к каждому шуму за окном — к скрипу тормозов, к хлопку двери соседского гаража. Внутри все сжимается в тугую, тревожный комок, но я заставляю себя дышать глубже. «Все наладится, — шепчу я Марсику, который, свернувшись калачиком на диване, наблюдает за моей суетой одним прищуренным глазом. — Он вернется, мы помиримся, выпьем вина. И все будет хорошо».

Но часы на стене неумолимы. Стрелка ползет к восьми, потом к девяти. Темнеет. Я щелкаю пультом, включаю неяркий свет бра, чтобы создать атмосферу уюта, ожидания. На кухне томлюсь в одиночестве, доедаю пирог с чаем. Он получился чуть суховатым, но все равно вкусным. Анин рецепт еще ни разу не подводил.

В десять я уже перестаю притворяться. Снимаю платье, вешаю его обратно в шкаф. Оно кажется мне теперь глупым,

ненужным маскарадным костюмом. Надеваю старый, растянутый свитер и мягкие спортивные штаны. Возвращаюсь на кухню, доливаю в бокал остатки вина из бутылки. «Мерло» давно выдохлось, стало кислым и плоским.

Я беру в руки планшет, чтобы отвлечься, но вместо новой главы меня тянет в интернет-магазины. Я не ищу ничего конкретного, просто листаю, разглядываю вещи, которые мне не нужны. Потом мой палец сам собой выводит в поисковой строке название бренда с тех часов. Того, что были в черном бархатном футляре.

Моделей — сотни. Я листаю, прищуриваюсь, пытаюсь найти ту самую, с темно-синим циферблатом, усыпанным бриллиантами, со сложным, как кружево, браслетом. И вот она. Мое сердце на секунду замирает. Цена заставляет меня присвистнуть. Это не просто «дорогие». Это стоимость небольшой иномарки.

«Я сам все решу! Поеду и сдам эту... эту ненужную тебе роскошь!» — эхом звучит в ушах его голос.

Сдать такую вещь? Да, конечно. Любой нормальный человек так и поступит, если подарок оказался не ко двору или... если он куплен не для жены. Мысли начинают метаться, как мыши в западне. Почему он не сказал, что это для клиента?

Для коллеги? Для благодарности за выигранное дело? У него же всегда есть логичные, выверенные, адвокатские объяснения. Но сегодня утром их не было. Была только злоба. На меня.

Я захожу на сайт ювелирного бутика, самого пафосного в нашем городе. «Условия возврата». Прочитав, я медленно опускаю планшет на колени. Для возврата или обмена нужен чек. И срок — не более четырнадцати дней с момента покупки.

А если он купил их давно? Если они лежали в его дипломате неделю, две, месяц? Тогда сдать их уже не получится. Их можно только подарить.

Марсик потягивается, спрыгивает с дивана и идет к своей миске, требовательно тыкаясь носом в пустую керамику. Его действия возвращают меня в реальность.

— Ладно, ладно, голодающий, — бормочу я, поднимаюсь и иду к шкафу, где храним его корм.

Открываю дверцу, нагибаюсь за пачкой. И тут мой взгляд падает на корзину для мусора, стоящую в углу под раковиной. Обычно мы выносим ее вечером. Сегодня я не выносила. На самом верху, на смятых салфетках и очистках от яб-

лок, лежит тот самый черный бархатный футляр. Бесхозный. Выброшенный.

Я замираю, держа в руках пачку с кормом. Он не повез его «сдавать». Он просто выкинул. Как улику.

Опускаюсь на корточки, не в силах отвести взгляд. Аккуратно, кончиками пальцев, достаю футляр. Он холодный и чуть липкий от чего-то сладкого. Крышка держится на одной петле, вторая треснула, когда он с такой силой захлопнул ее утром. Внутри пусто. Только отпечаток от часов на бархате, как шрам.

И тут я замечаю то, чего не видела раньше, в пылу ссоры. В уголке футляра, в складке бархата, торчит крошечный, почти невидимый уголок бумажки. Я поддеваю его ногтем и осторожно вытягиваю.

Это не чек. Это обрывок фирменного бланка, крошечный клочок. На нем — напечатанные буквы, часть слова: ...рина.

И ниже, от руки, чернильной ручкой, выведены две буквы: «Т.Ю.»

Я сижу на холодном кухонном полу, в старом свитере, с пустым, разбитым футляром в одной руке и этим клочком

бумаги — в другой. ...рина. Катрина? Ирина? Марина?

И инициалы. Т.Ю.

В голове проносится вихрь лиц из его окружения. Секретарши, коллеги, клиентки. Никто не подходит. Никто с такими инициалами не всплывает в памяти.

А может, это ничего не значит? Может, это инициалы продавца? Или это часть какой-то другой записи, случайно попавшей в футляр?

Но почему тогда он не отнес эти часы в магазин? Почему не вернул деньги? Почему не отдал их мне со словами: «Вот, дура, держи свои дурацкие часы, раз нашла»? Почему он предпочел выбросить футляр, как преступник, уничтожающий вещдок?

Сомнения, как ядовитые пауки, начинают плести в моей голове свою паутину. Они не кричат о измене прямо. Они шепчут. Они нашептывают вопросы, на которые у меня нет ответов.

Я сижу на полу и чувствую, как твердая, надежная почва нашего двадцатипятилетнего брака уходит из-под ног, превращаясь в зыбкий, ненадежный песок. И самое ужасное —

что у меня нет доказательств. Есть только пустой футляр, обрывок бумаги и леденящая душу уверенность, что мой муж, блестящий адвокат Дима Попов, лжет мне. И я даже не знаю, в чем именно.

Дорорие читатели, хочу порекомендовать вам ещё одну огненную новинку моба "Серебряный развод".

Лариса Акулова

"Развод. На крючке у Зверя"

<https://litnet.com/shrt/OFCZ>

СЕРЕБРЯНЫ

РА

МОЙ МУЖ ИЗ

Глава 7

От нервов я откусываю кусок пирога пирога и он застревает у меня в горле комком сладкой, пресной ваты. Я отпииваю чаю, но он не помогает протолкнуть эту тяжесть. Внутри все переворачивается. Футляр. Этот черный, бархатный свидетель лежит передо мной на столе, рядом с недопитым чаем. Он словно излучает холод, пробирающий до костей.

«Т.Ю.» Две буквы. Два гвоздя, вбитых в крышку моего спокойствия.

Марсик, насытившись, умывается, сидя на стуле, и смотрит на меня своим невозмутимым зеленым взглядом. «Ну, хозяйка, и что будем делать с этим вещдоком?» – словно спрашивает он.

– А что мы можем сделать, Ваша честь? – тихо отвечаю я ему. – Прямых улик нет. Одна косвенная. Футляр без часов. Бумажка без чека. Муж без совести.

Я поднимаюсь, беру футляр и этот злополучный клочок. Несу их в кабинет. Мое сердце колотится где-то в висках. Я чувствую себя вором в собственном доме, но это он превратил меня в «психичку», роющуюся в мусоре и выискиваю-

щую обрывки его лжи.

Сажусь за его компьютер. Включаю. Система запрашивает пароль. Раньше я никогда не пыталась его узнать. Мне и в голову не приходило. Теперь же это чувствуется как личное оскорбление. У него есть от меня секреты. Цифровая крепость, куда мне вход воспрещен.

Но бумаги... бумаги он часто оставляет на столе. И его ежедневник... старомодный, кожаный, в который он любит записывать встречи от руки.

Я открываю верхний ящик стола. Ручки, скрепки, стикеры. Ничего. Средний ящик. Папки с делами, гриф «Адвокатская тайна. Конфиденциально» смотрит на меня укоризненно. Я не адвокат, я не имею права. А он, выходит, имеет право хранить в дипломате часы для другой женщины?

Нижний ящик тяжелый. Я с усилием его выдвигаю. И вот он. Ежедневник. Тот самый.

Руки дрожат. Я открываю его на сегодняшней дате. «10:00 – суд, дело Карповых». Все как он говорил. Листаю назад. Неделя, две... Встречи, звонки, фамилии клиентов. И вдруг, среди всего этого делового хаоса, мое внимание цепляет аккуратная, отточенная запись, сделанная красной ручкой, ко-

торию он использует для особо важных пометок.

«18:00 – Т.Ю. Кофе. «Бернардо».

«Бернардо». Элитная кофейня в центре, недалеко от его офиса. Та, где он, по его словам, встречался с «нужным человеком по делу». Но имена клиентов он всегда пишет полностью. А здесь – только эти два инициала. И время – шесть вечера. Уже после работы.

Я листаю дальше. Такие же записи встречаются с пугающей регулярностью. Раз в неделю, иногда две. Всегда «Т.Ю.» и всегда «Кофе. «Бернардо»». Иногда «Обед. «Винченцо»». «Винченцо» – это уже не просто кофейня, это ресторан с мишленовской звездой. Тот самый, куда он обещал сходить со мной в нашу годовщину. Но потом сказал, что устал от ресторанов и хочет провести годовщину дома, по-семейному. Или просто место уже было «занято» другими воспоминаниями?

Я откидываюсь на спинку его кресла. Во рту пересыхает. Вот она, ниточка. Тонкая, паутинная, но она есть. Та самая, с которой он пьет кофе и ужинает в «Винченцо», пока я тут вычищаю его дипломат от мандариновых корок и верю в его вечную занятость. Т.Ю. Та самая, для которой часы с сапфировым стеклом и бриллиантами?

Злость подкатывает к горлу горячей, едкой волной. Она горче того прокисшего вина. Он обвинял меня в ненависти? Так теперь у него есть все шансы познакомиться с ней поближе.

Но что я могу? Устроить сцену? Прийти в «Бернардо» в шесть вечера с криком «Ага, попались!»? Он, блестящий адвокат, легко вывернется. Скажет, что это клиентка. Что это важный партнер. И я опять останусь с носом, истеричной женой, которая везде видит измену.

Нет. Так не пойдет.

Я беру свой телефон, отключаю звук. Открываю камеру и начинаю фотографировать. Страницу за страницей. Все эти встречи с Т.Ю. Пусть будут. Пусть лежат. Может, они мне и не понадобятся, а может... Может, станут тем самым камешком, который выбивает из-под ног почву уже у него.

Возвращаю ежедневник на место, аккуратно, ровно так, как он лежал. Закрываю ящики. Беру футляр и бумажку с инициалами. Несу их обратно на кухню. Останавливаюсь перед мусорным ведром.

Выбрасывать? Нет. Слишком просто. А потом, вдруг, она

мне ещё пригодится?!

Я иду в свою мастерскую, маленькую комнатку с швейной машинкой и коробками тканей, где он почти не появляется. Задвигаю футляр и бумажку в дальнюю коробку, под обрезки старого бархата. Пусть полежит. Вещдок номер один.

Возвращаюсь на кухню. Смотрю на часы. Половина одиннадцатого. Его все нет. И смс нет. Ни одной. Вот это называется «отмени всех гостей, я хочу отметить годовщину с тобой вдвоем».

Раньше это вызывало во мне тревогу. А теперь... теперь во мне закипает яростное, ледяное спокойствие. О, он пожалеет. Он пожалеет, что не вернулся сегодня вовремя. Он пожалеет, что вообще когда-либо познакомился с этой Т.Ю.

...Я подхожу к столу, к этому дурацкому, накрытому к несостоявшемуся празднику столу. В груди все сжато в ледяной, твердый комок. Я беру свой бокал с остатками того самого, выдохшегося «Мерло».

И тут доносится звук ключа в замке. Щелчок, скрежет, тихий толчок — входная дверь открывается.

Сердце на секунду замирает, а затем принимается биться

с бешеной силой, отдаваясь в висках. Он. Вернулся.

Я не двигаюсь с места, лишь сжимаю пальцами хрустальную ножку бокала. Слышу его шаги вприхожей — тяжелые, усталые. Слышу, как он бросает ключи в блюдо на тумбочке. Весь мой гнев, все обиды и боль кричат во мне, требуя выхода. Но тело действует само.

Я выхожу в коридор с этим бокалом в руке. Останавливаюсь напротив него.

Он снимает пальто. Лицо у него серое, изможденное. Он поднимает на меня взгляд — пустой, выгоревший.

— Катя, — произносит он. И я даже не могу уловить его тона.

Он не успевает договорить. Мое молчание, мой взгляд, полный немой ярости, останавливают его.

Я поднимаю бокал. Не в тост, а как свидетельство. Последнее доказательство этого вечера.

— С годовщиной нас, Попов, — говорю я, и мой голос звучит тихо, звеняще и страшно даже для меня самой. — С нашей серебряной свадьбой.

И прежде чем он успевает что-то понять или сказать, я с силой швыряю бокал об пол у своих ног. Хрусталь бьется с оглушительным, пронзительным звоном, и красные брызги вина, как капли крови, разлетаются по светлому паркету.

Марсик, спавший в коридоре, с испуганным вскриком пулей вылетает в гостиную.

Я стою и смотрю на него поверх этого хаоса из осколков и вина. Смотрю прямо в его внезапно прояснившиеся, полные шока глаза.

— Жаль, твой подарок я так и не примерила, — добавляю я горько.

Готовься, адвокат. Процесс только начинается. И на этот раз судья — это я.

А у нас еще одна новинка для вас ♥️#

Арина Алексанова

Развод. Я расправлю крылья! 18+

<https://litnet.com/shrt/Q5PZ>

СЕРЕБРЯНЫ

РА

СМАХНУ С У

И СЕРДЦА

Глава 8

Звон стекла еще висит в воздухе, смешиваясь с тяжелым запахом красного вина. Мы стоим друг напротив друга, как два вражеских солдата на минном поле, только мины — это осколки хрусталя между нами. Его шок длится ровно три секунды. Потом его лицо, еще секунду назад серое от усталости, заливают густая краска ярости.

— Ты совсем с ума сошла?! — его голос грохочет, оглушая в маленьком коридоре. — Это же хрусталь, который дарила моя мать!

— Ой, — делаю я глаза по-круглее и прижимаю руку к груди. — Какая неожиданность! А я думала, это просто осколки нашего разбитого семейного счастья. Как раз в тон вечеру.

Он делает шаг вперед, но останавливается, посмотрев на острые блески на полу. Его взгляд перебегает с моих насмешливых глаз на лужу вина, медленно растекающуюся по паркету.

— Убирай. Сейчас же. Иначе испортишь паркет! — он говорит это сквозь зубы. У него такая манера, когда он на гра-

ни.

— Убирать? — переспрашиваю я сладким голоском. — А что насчет «Ты меня ненавидишь»? Это тоже можно как-то убрать? Или «Ты все испортила»? Или, может быть, часы, которые ты так и не повез сдавать, а просто выкинул футляр в мусорку? Что именно убирать в первую очередь, дорогой? Составь список, по пунктам. А то я у тебя, как ты говоришь, все превращаю в фарс.

Он замирает. Слово «часы» подействовало на него, как удар хлыстом. Я вижу, как в его глазах мелькает та самая утренняя паника, но он почти мгновенно берет себя в руки. Адвокат. В его голове уже строится план защиты.

— А что часы? — он делает удивленное лицо. У него хорошо получается. Отработанные годы в суде. — Я не понимаю, о чем ты. Ты опять завела свою шарманку из-за какого-то дурацкого подарка? Я же сказал — это была ошибка! И я сам решу, как мне её исправлять.

— Ошибка, — киваю я, не отводя от него взгляда. — Согласна. Очень дорогая ошибка. Такая дорогая, что ты даже не потрудился вернуть ее в магазин, а просто выбросил коробку. Странная экономия для человека, который вечно ворчит по поводу коммунальных платежей.

— Я выбросил, потому что ты своими истериками опош-лила все! — взрывается он. — Ты превратила возможный сюрприз в отвратительную сцену ревности! Мне стало противно от самой мысли об этих часах!

— Ага, — тяну я. — Противно. Понятно. А от кофе в «Бернардо» с некой Т.Ю. тебе не противно? Или от обедов в «Винченцо»? Это, я так понимаю, очень даже приятно. И регулярно.

Наступает мертвая тишина. Та самая, звенящая, которую можно резать ножом. Он не дышит. Кажется, даже винные пары перестают испаряться. Он не ожидал этого. Он думал, что я буду рыдать над разбитым бокалом и выпрашивать прощения за свою истерику. Он не думал, что у меня есть козырь.

— Ты... ты полезла в мой ежедневник? — он произносит это шепотом, но в этом шепоте столько ненависти, что мне становится физически холодно.

— Обыск, дорогой, — поправляю я его. — Ты же сам утром сказал, что я устраиваю обыск. Вот я и провела его. Нашла кое-что поинтереснее мандариновых корок. Кто такая Т.Ю., Дима? Твой новый клиент? Очень «утомительная»

клиентка, раз встречи с ней длятся с полгода.

Он молчит. Я вижу, как в его голове крутятся шестеренки, он ищет выход, лазейку. И я внезапно понимаю, что не хочу его слушать. Не хочу слышать ни одну из его лживых, выверенных версий. Я устала.

Я поворачиваюсь и иду на кухню. Он следует за мной.

— Катя, это не то, что ты думаешь.

— А что я думаю? — оборачиваюсь я к нему на пороге кухни. — Думаю, что мой муж, который не находит времени поужинать со мной в годовщину хрустальную свадьбы, стабильно раз в неделю ужинает в мишленовском ресторане с другой женщиной. И дарит ей часы стоимостью с нашу машину. Я правильно думаю? Или я опять все превращаю в фарс? Может, вы просто коллеги по сбору марок?

— Она... Это просто коллега. Мы ведем вместе дело— говорит он, и звучит это настолько фальшиво, что Марсик, сидящий на столе и вылизывающий лапу, презрительно фыркает.

— Просто коллега, — повторяю я. — С инициалами. И без фамилии в твоём ежедневнике. Как удобно. И часы —

это тоже часть «дела»? Налобный фонарь для ночных работ не хочешь ей в придачу подарить?

— Хватит! — он издает звук, похожий на рык, и смахивает со стола кружевную салфетку. — Хватит этого цирка! Да, я встречался с женщиной! По работе! И часы... часы были глупым импульсом, попыткой наладить отношения, потому что ты последние месяцы только и делаешь, что пилишь меня и критикуешь! Может, это ты виновата в том, что я не хочу уходить с работы в нашу годовщину и сижу до вечера в офисе?

Я смотрю на него, и во рту появляется вкус железа. Так вот он какой, его главный козырь. Сделать виноватой меня.

— Я виновата в том, что накрыла весь этот стол? Что ждала тебя здесь в одиночестве? Готовила пироги. И чуть не поссорилась с сестрой, сказав, что мы будем проводить этот вечер только вдвоем?

— Правильно, давай, Вирт во всем меня — он не на шутку расходится. — Вот такой я ужасный муж, оставил жену одну в годовщину. Купил ей дорогие часы! А её хлебом не корми — только дай порыться в чужих вещах! Где тряпка?

— А где часы? — задаю я встречный вопрос. — Кому ты

отдал их без футляра?!

— Они были в футляре, — произносит муж, глядя на меня сузившимися от злобы глазами. — Похоже ты их выбросила вместе с остатками своего разума.

— Ну все, с меня хватит! — говорю я и, развернувшись, ухожу в спальню, оставив его одного среди осколков его лжи и моего отчаяния.

Дверь в спальню я не захлопываю. Я закрываю ее тихо, с щелчком, который звучит куда громче любого хлопка. Потом поворачиваю ключ и запираюсь изнутри.

Впервые за двадцать пять лет.

Из-за двери доносится его приглушенный крик, но я не разбираю слов. Похоже он пошел собирать осколки стекла и поранился. Раньше я бы выбежала оказывать ему срочную супружескую помощь. С йодом и мирамистином наперевес. Но не сейчас, не сегодня.

Я прислоняюсь лбом к прохладной деревянной поверхности и закрываю глаза. Во мне нет больше ни злости, ни боли. Только ледяная, безмолвная пустота.

Где-то там, за дверью, раздается звук еще одного разбивающегося предмета. Похоже, он присоединился к моему фарсу.

Что ж. Заседание объявляется закрытым...

Тишина за дверью становится звенящей. Потом слышу его шаги — тяжелые, неуверенные. Они затихают около спальни. Я замираю, прислушиваясь к каждому шуму. Щелчок зажигалки. Глубокий вдох. Он курит прямо в коридоре, хотя мы договорились, что это табу.

И вдруг сквозь дверь доносится его голос. Тихий, сдавленный, но абсолютно четкий:

— Ладно. Ты победила. Завтра же увольняю Татьяну Юрьевну из компании.

Воздух застревает у меня в легких. Татьяна Юрьевна. Старший партнер. Женщина, с которой он основывал фирму пятнадцать лет назад.

И теперь он готов принести ее в жертву.

Не пытаюсь оправдаться. Не предлагая объяснений. Просто... уволить. Как ненужную вещь.

Мои пальцы непроизвольно сжимаются. Я медленно поворачиваю ключ в замке. Дверь бесшумно открывается.

Он стоит ко мне спиной, опершись ладонью о стену.

— Не надо,— говорю я так же тихо.

Он оборачивается. Его лицо — маска усталости.

— Я думала... я боялась чего угодно. Но только не этого,— мой голос едва слышен. — Признания. Оправданий. Даже лжи. Но не... показательной казни.

Он смотрит на меня, и в его глазах читается неподдельное недоумение. Такое сложно сыграть. Или возможно? Он - адвокат. Врать в суде - часть его работы, его призвание.

— Что ты хочешь от меня? - зло выдыхает он. — Ты уже мне все мозги вытряхнула.

Я делаю шаг назад, в спальню.

— Я хочу, чтобы ты спал в кабинете, - тихо, но уверенно говорю я.

И снова закрываю дверь. На этот раз уже не запирая.

Потому что настоящие замки — не в дверях.

Спустя час, лежа в постели и глядя в потолок, я слышу, как его телефон на кухне издает отрывистый, двойной сигнал. СМС. Дима не пошел в кабинет. Видимо он пошел на кухню - пить в гордом одиночестве.

Обычно он проверяет сообщения мгновенно, даже ночью. Но сейчас — только тишина.

А потом — тихий, предательский щелчок входной двери. Дима ушел. Один. В ночи.

Я лежу неподвижно, слушая, как его шаги, идущие по нашей садовой дорожке постепенно затихают.

Встаю с кровати и выхожу в прихожую. Осколки бокал он убрал. Но мой взгляд «выхватывает» кое-что другое...

На столе в прихожей остались его ключи от машины. Похоже, он просто решил прогуляться пешком.

Я шумно выдыхаю, но тут замечаю что-то ещё. В блюде рядом с ключами — маленький, блестящий предмет, кото-

рый он, судя по всему, выронил, уходя.

Я встаю и подхожу ближе. На темном дереве тумбочки лежит женская серебряная подвеска в виде якоря.

Та самая подвеска, которую я подарила своей сестре Анне, на ее день рождения...

Хочу познакомить вас с ещё одной новиночкой!

Аля Миронова

"Развод. Право на месть"

<https://litnet.com/shrt/4ZKq>

СЕРЕБРЯН

Р

я получила

Глава 9

Я стою в прихожей и смотрю на эту подвеску. Она лежит на темном дереве, как доказательство двойного предательства. Серебряный якорь. Подарок Ане. Тот самый, который она носит, не снимая, с того самого дня, как я его ей подарила.

В ушах шумит. Голова идет кругом. Нет. Только не это. Не может быть.

Но факты складываются в уродливую мозаику. Его ярость, когда я позвала сестру на юбилей. Его фраза: «Ты видишь их каждый день!» Его странная, болезненная ревность к Ане, которая всегда казалась мне необъяснимой.

И часы. Дорогие, шикарные. Не для жены, которая ходит в вельветовом халате. Для стильной, ухоженной Ани, на пять лет моложе меня, которая следит за собой, поет на вокале, вкусно готовит. Это правда, в ней одни плюсы. Она во всем лучше меня.

Я медленно поднимаю подвеску. Металл холодный. В моей голове проносятся обрывки воспоминаний. Как он всегда задерживал взгляд на ней чуть дольше, чем нужно. Как они

могли замолкать, когда я входила в комнату. Как он помнил все ее мелкие предпочтения — какой кофе она пьет, какие цветы любит.

А я, дура, списывала все на то, что он это делает из вежливости.

Меня начинает трясти. Это уже не боль. Это что-то другое.

Нет. Не может быть.

Но холодный комок подкатывает к горлу.

Я захожу в кабинет. Включаю свет. Комната еще хранит следы утреннего хаоса. Папки, бумаги. И его компьютер.

Пароль. Мне нужен пароль.

Я перебираю все: наши даты, имена детей, кличку Марсика. Система упрямо отвечает отказом. В голове крутится его лицо, когда он увидел осколки бабушкиного хрусталя. «Ты совсем с ума сошла?!» Щелчок. День рождения его мамы. 15 апреля.

Система приветствует меня мягким щелчком. Рабочий

стол загорается.

Сердце колотится где-то в горле. Я лихорадочно листаю историю браузера. Поисковые запросы последних месяцев: «Как сделать приятное женщине», «Лучшие подарки», «Часы Breguet для женщин – отзывы».

Потом я нахожу папку «письма». Внутри – неотправленные письма, черновики.

Но я не успеваю их прочитать, только бегло пробегаюсь глазами – это что-то любовное и очень личное. Вопрос лишь а одном – кому мой муж все это посвятил?!

Слышу щелчок входной двери. Дима вернулся.

Я быстро гашу монитор, отскакиваю от стола, как обожженная. Он входит в кабинет, лицо уставшее.

— Что ты тут делаешь? — голос хриплый.

Я не выдерживаю. Выпаливаю, задыхаясь:

— Это Аня? Ты что, мутишь с моей сестрой?

Его лицо искажается не то что гневом, а настоящим шоком. И... отвращением.

— Ты совсем съехала, Катя! Сбередила, что ли? Третий раз за один день я застаю тебя, сующую нос в мои вещи. Ты с ума посходила со своей ревностью!

— А это что?! — я с силой раскрываю ладонь, в которой зажат серебряный якорь. — Это я тоже себе придумала?

Он смотрит на подвеску, и в его глазах мелькает растерянность.

— Что это? - он делает вид, что ничего не понимает.

— Подвеска моей сестры. Откуда она здесь?

— Откуда я знаю?! Я нашел её на полу. И просто поднял, чтобы отдать! Может она его потеряла, когда пекла с тобой пирог.

Его объяснение звучит... правдоподобно. Слишком. Я чувствую, как почва уходит из-под ног. Может, я и правда схожу с ума? Может, все эти «улики» – лишь плод моей большой фантазии?

— А твои интернет-запросы? «Как сделать приятное женщине», «Лучшие подарки», «Часы Breguet для женщин – отзывы».

— Я все это искал для тебя! Неужели это не понятно, - муж рычит от ярости.

— А письма?! И часы, которые ты даже не попытался вернуть? Где они тогда сейчас? Раз они были для меня?! — Мой голос срывается, переходит на хрип. — Дима, я очень устала за этот день. Прошу тебя об одном - просто скажи мне правду.

Он тяжело вздыхает, проводит рукой по лицу. Потом медленно опускает руку в карман пиджака и вынимает... часы. Те самые. Они сверкают в свете лампы, ослепительные и нереальные.

Я замираю, не в силах вымолвить слово.

— Нашел в помойке, — тихо говорит он. — В мусорном ведре на улице. Я ходил их искать... Я же сказал, что ты выбросила их вместе с футляром. Ты что, реально этого не помнишь?!

Я смотрю на часы в его руке. Потом на его лицо – усталое, изможденное, но честное в своем гневе. А потом – внутрь себя. В тот хаос из подозрений, обрывков фраз и маниакального поиска доказательств.

И меня накрывает волной леденящего ужаса.

А что, если... он прав?

Что, если я сама все это уничтожила? Своей ревностью, своим недоверием? Что, если я выбросила эти часы в помойку в припадке ярости и просто... не помню этого?

Голова кружится. Комната плывет. Я делаю шаг назад, прислоняюсь к стене, чтобы не упасть.

— Я... — начинаю я и замираю.

Я не знаю, что сказать. Я не знаю, чему верить. Ему? Своей памяти? Своему страху?

Я смотрю на него, и впервые за много лет вижу не адвоката, строящего защиту, а просто человека. Своего мужа. И я не понимаю, это он - коварный изменщик или это я действительно сошла с ума?

А вот и ещё одна ## новиночка Серебряного развода. Встречаете:

Лолита Моро

«Развод. Вода и серебро» 18+

<https://litnet.com/shrt/6UEs>

СЕРЕБРЯНЫ

РА

ПРЕДАТЕЛЬСТ

МОСТЫ И

Глава 10

Голова раскалывается. Я ворочалась всю ночь, ловя себя на том, что прислушиваюсь к каждому звуку из кабинета, где он устроился на ночь. Сон приходил урывками, тяжелый и беспокойный.

Выбираюсь на кухню, надеясь, что кофе прогонит эту свинцовую тяжесть. И замираю на пороге.

На кухонном столе, посреди идеально чистой поверхности, лежат они. Часы. Темно-синий циферблат усыпан крошечными бриллиантами, которые утреннее солнце превращает в радужные искры. Они лежат так, будто их специально выставили на самое видное место. Как напоминание. Или как предъяву мне. Напрашивается слоган: «Идеальные часы для неидеальной жены».

Я медленно подхожу, касаюсь пальцами холодного металла браслета. Они конечно невероятно красивы. И совершенно чужды мне. Я не могу представить их на своем запястье. Они будут там как постоянное напоминание всем невысказанным обидам и непониманию. Потому что, как жена, которая носит такие дорожные часы быть вообще чем-то недовольна?!

Заливаю в турку воду, насыпаю кофе. Руки слегка дрожат. В голове крутится вчерашний вечер — его усталое лицо, его слова: «Что будем делать, Катя?» И подтекст в этих словах был явно такой: «Не пора ли тебе в дурку, дорогая».

Из спальни доносится шум душа. Значит, он проснулся.

Кофе закипает, наполняя кухню горьковатым ароматом. Я разливаю его по чашкам, автоматически кладу в его сахар — две ложки, как он любит. Ставлю его чашку на противоположный конец стола, подальше от часов.

Он выходит в кухню через десять минут. Уже в костюме, свежевыбритый, пахнет дорогим лосьоном. Его взгляд скользит по мне, по часам на столе, по дымящейся чашке кофе.

— Доброе утро, — говорит он нейтрально. Без укора, но и без тепла.

— Доброе, — мой голос звучит сипло. — Кофе готов.

Он кивает, подходит к столу, но чашку не берет. Стоит и смотрит на часы.

— Я положил их сюда, потому что не знаю, что с ними делать, — говорит он наконец. — Можешь оставить. Можешь продать. Можешь выкинуть. Решай сама.

— Я не могу их носить, Дима, — тихо говорю я.

— Я понимаю, — он на секунду закрывает глаза. — Тогда... сделай что считаешь нужным. Можешь подарить сестре. Хотя нет, ты же и её во всех грехах подозреваешь. Тогда лучше племяннице или маме своей.

Он одним движением допивает кофе, ставит пустую чашку в раковину.

— Для моей мамы они слишком молодежные. Она такие носить точно не станет. — Ты... ты действительно полез в помойку, чтобы их достать? — задаю я вопрос, который сильно меня волнует.

Часы лежат на столе между нами, как вещдок, но я уже не понимаю, чьего преступления.

Дима смотрит на меня устало. Такие у него бывают глаза после особенно тяжелых процессов, когда он проиграл.

— А что мне оставалось делать? — он проводит рукой по

волосам. — Позвонить и сказать: «Извини, дорогая, не могу подарить тебе подарок, потому что ты его в мусорный бак выбросила»?

Я медленно опускаюсь на стул. Марсик трется о мои ноги, мурлычет что-то успокаивающее, но его кошачья мудрость мне сейчас не помогает.

— Я не помню, — шепчу я. — Не помню, чтобы выбрасывала...

— Ты много чего не помнишь в последнее время, — его голос звучит без злости, скорее с горькой констатацией. — Ты забыла приготовить ужин в прошлый вторник. Не забрала лекарства для моей матери из аптеки позавчера. А на прошлой неделе оставила включенным плиту. И забыла убрать борщ в холодильник. И дверь дома - вчера ты и её забыла закрыть. Когда я выходил на улицу, она была открыта.

Я смотрю на него широко раскрытыми глазами. Это правда. Вся эта «мелочь», на которую я не обращала внимания, списывая на усталость, рассеянность и просто на то, что такое может забыть каждый.

— Думаешь, я схожу с ума? — вылавливаю я из себя. Мне становится страшно. А вдруг он прав? Вдруг это все не ме-

лочи, а цепочки моего прогрессирующего заболевания?!

Приглашаю вас в ещё одну книгу литмоба "Серебряный развод".

Руфина Брис

Развод. Заново дышать

<https://litnet.com/shrt/ehNx>

СЕРЕБРЯНЫ

РА

МЫ БЫЛИ

Глава 11

Он не отвечает сразу. Подходит к столу, берет часы.

— Я думаю, что мы оба сошли с ума. Ты — от подозрений. Я — от работы. Мы живем в параллельных реальностях, Катя.

Он протягивает мне часы. Рука у него чуть дрожит. У него так бывает, когда он вечером пил больше, чем следует. Но вчера я ему не оставила много вина... В бутылке оставалось не больше половины. И в меня вновь закрадываются подозрения...

— На. Это твои часы. Я купил их для тебя. Хотел сделать сюрприз на юбилей. Искал полгода, копил, продал старые акции... Все эти встречи в «Бернардо» — с ювелиром, он привозил разные модели. Т.Ю. — Татьяна Юрьевна, не партнер, а владелица бутика. Я просил ее нигде не светить мой заказ.

Я беру часы. Они невероятно тяжелые в моей руке.

— Почему ты не сказал? Утром? Когда я нашла?

— Потому что ты сразу начала с шуток! — в его голосе

прорывается старая обида. — «Сдадим, купим гномиков»... Для тебя это всегда шутка. Любая моя попытка сделать что-то серьезное, романтическое... Ты всегда превращаешь это в фарс. Мне стало обидно. И я... я сорвался.

Кусок пирога, который я доедала час назад, встает комом в горле. Я вспоминаю свое утреннее поведение. Свои саркастичные комментарии. Свою уверенность, что он — преступник, а я — следователь.

— А почему сказал, что Т.Ю. - это коллега? Которую ты теперь уволишь? - задаю я новый вопрос, который тут же приходит на ум.

— Я был зол на тебя. Ты меня выбесила просто тем, что рылась в моих вещах и компьютере. Давай не будем ссориться, Кать?

Он подходит почти вплотную и я чувствую его горячее дыхание у себя на шее. Я почти готова сдаться, но что-то внутри не дает мне расслабиться и обнять его, как обычно.

— А почему... почему ты сказал, что я тебя ненавижу?

Он отворачивается, смотрит в окно, где несмотря на утро ещё темно, будто сейчас ночь. Я вся сжимаюсь, в ожидании

ответа. Мне кажется, сейчас он скажет мне все, как есть на самом деле - скажет мне долгожданную правду.

— Потому что иногда мне так кажется. Ты смотришь на меня так, будто я тебе противен. Уже давно.

В тишине слышно, как Марсик увлеченно вылизывает свою пушистую грудку. Звук кажется оглушительным.

Я смотрю на часы в своей руке. На их сложный бриллиантовый циферблат. Он прав — я бы никогда не выбрала себе такую роскошь. Я предпочла бы те самых садовых гномиков. Но он пытался. Он действительно пытался сделать мне подарок, который, как он думал, я заслуживаю.

— Мне кажется, мы оба друг друга в чем-то ненавидим, — тихо говорю я. — Ты — мою иронию. Я — твою загруженность работой, из-за которой практически не чувствую, что меня есть муж.

Он поворачивается ко мне. Впервые за долгое время он смотрит на меня не как на оппонента, а как... как на жену. Ту, которую когда-то любил.

— Что будем делать, Катя? — спрашивает он просто.

Я осторожно кладу часы обратно на стол.

— Не знаю. Но начинать, наверное, надо с того, чтобы перестать кидаться хрусталем и вовремя приходить на годовщины.

Он издает странный звук — нечто среднее между смехом и вздохом.

— Согласен. А часы?

— Часы... — я смотрю на них. — Я их наверное и правда подарю... Нашей дочке. Эти часы больше подходят ей, чем мне. Они все-таки больше молодёжные...

— Нате я купил другой подарок. Когда она планирует навестить нас?

— Нескоро. Может быть ближе к новому году. А что ты приготовил Наташе?

— Это сюрприз.

Я громко выдыхаю. Ещё один сюрприз. Ну ладно.

— Значит часы подарю Маше. В честь окончания первого

модуля. Если ты не против.

— Я не против.

На секунду мне кажется, будто по его лицу промелькнула улыбка. С чего бы вдруг ему радоваться за Машу? Или мне опять показалось?! Может он просто подумал в этот момент о чем-то приятном.

— Зайду сегодня к Ане, верну ее подвеску и заодно подарю Маше часы. Ты точно не против?

— Точно.

Он снова поворачивается ко мне и обнимает.

— Давай отпразднуем годовщину сегодня? - шепчет он мне в волосы. — Сходим куда-нибудь. Ты наверное устала сидеть в этих четверг стенах?

Я обнимаю его в ответ, осторожно, как дикого зверя, от которого не знаешь до конца, что ожидать.

— Катя... - шепчет мне он в волосы.

— Да? - спрашиваю я, затаив дыхание. Мне очень хочется

услышать три заветных слова, которые я не слышала от него, кажется целую вечность.

Я поднимаю голову на этого человека — моего мужа, с которым мы прошли двадцать пять лет и чуть не разнесли в щепки наш брак за один день.

— Прости. За... за все.

Это не то, что я хотело услышать. Но все равно приятное. Он просит прощение, значит он волнуется за то, что я могу затаить обиду.

— И меня прости, — шепчу я. — Я тебя люблю.

Впервые за долгое время мне кажется, что, возможно... все не так плохо. 25 лет - это огромный срок, что мы прожили вместе и понятно, что мы оба устали. Но всё-таки любим друг друга.

— Мне пора, - Дима неожиданно отстраняется от меня.
— Сегодня допрос ключевого свидетеля.

— Удачи, — говорю я ему вслед, немного разочарованно, так как так и не услышала «Я люблю тебя» в ответ.

Он на секунду задерживается в дверях, словно хочет что-то сказать, но лишь кидает короткое: «Спасибо». И уходит.

Я остаюсь одна. С часами. С пустой чашкой от кофе в раковине. С тяжестью в сердце.

Мой взгляд падает на полку, где вчера вечером я оставила тот самый серебряный якорь. Он лежит там, сверкая, будто напоминая о себе. Надо вернуть его Ане. Просто отдать и забыть. И выбросить раз и навсегда все дурацкие мысли.

Подхожу к телефону, набираю номер сестры.

— Ань, привет, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал как обычно. — У меня тут кофе свежий сварился, а пить одной скучно. Не забежишь на полчасика? Заодно подарок тебе вернуть — я твой якорь нашла.

— Ты про подвеску? - спрашивает она, и в ее голосе я слышу неприкрытое волнение. Что это значит?!

Глава 12

— Про неё родимую, а что? - напряженно спрашиваю я сестру.

— Да так... ничего.. Просто... Э... я как раз ее обыскала. Сейчас я к тебе приду, только всех покормлю и я у тебя!

Аня приходит через двадцать минут, вся в летящем плаще и с легкой улыбкой. Но я вижу – ее взгляд сразу сканирует меня, выискивая следы вчерашней бури.

— Ну, где этот беглец на этот раз? Чуть свет уж на ногах? – протягивает она руку за своей подвеской, которая лежит на столе рядом с часами.

Ее взгляд скользит по роскошным часам, но ни один мускул не дрогнул на ее лице. Ни удивления, ни восхищения. Ничего.

— Драгоценность к драгоценности, – замечает она, наконец забирая якорь и тут же надевая его. – Спасибо, я уже заждалась.

— Дима нашел вчера вечером, – говорю я, наливая кофе.

— Наверное ты её вчера потеряла, когда приносила пирог?

— Ага, — тянет Аня, присаживаясь на стул. — И как прошел ваш романтический вечер наедине? Без нашей шумной компании?

Она задает вопрос легко, но я чувствую подвох. Невинный, но подвох.

— Не сложилось, — делаю глоток кофе. — В итоге он ночевал в кабинете.

Аня ставит чашку с таким звоном, что я вздрагиваю.

— В годовщину? Да он вообще охренел? — в ее глазах вспыхивает знакомая защитная ярость. — И из-за чего на этот раз? Из-за того, что я зашла с пирогом? Я же сразу ушла!

— Нет, не из-за тебя, — быстро говорю я. — Это... мы. Мы сами все разрулили.

Я не могу рассказать ей про часы. Про подозрения. Про свое унижительное падение в бездну ревности. И что под моим подозрением была даже она... Это сказать у меня язык не поворачивается..

— Знаешь, Ань, – говорю я, меняя тему. – Мне кажется, я схожу с ума.

Она смотрит на меня пристально.

— Это он тебе вчера внушил? Классика. Сам ведет себя как последний козел, а потом убеждает жену, что она психичка и истеричка.

— Нет! – озерко выдыхаю я. – Это я... Я действительно стала все забывать: закрыть дверь, выключить плиту.

—Подумаешь... Такое с каждым случается...

Я не могу удержаться и бросаю взгляд на часы. Аня следит за моим взглядом.

— Красивые, – говорит она наконец. – Хотя на твой вкус слишком пафосные. Это он тебе подарил?

Я киваю.

— Да. Подарил на юбилей. Точнее я сама нашла их утром в его портфеле. И... я подумала, что они не для меня.

Аня замирает с чашкой на полпути ко рту. Она очень мед-

ленно ставит ее на стол.

— Кать... Ты о чем? — ее голос становится тише.

— Я подумала... — мне трудно выговорить это вслух сейчас, когда туман в голове немного рассеялся. — Я нашла сначала эти часы, а потом ещё в его ежедневнике инициалы Т.Ю. И встречи. И решила...

Я не успеваю договорить. Сестра меня опережает.

— И ты решила, что у него любовница?

— Да, а потом я нашла ещё и эту подвеску и подумала, что...

Я не могу договорить. Аня смотрит на меня с таким потрясением, что мне становится стыдно.

— Что?? Ты подумала, что это я?! — она произносит это шепотом, но в нем слышится такая боль, что я сжимаюсь. — Твоя сестра. Та самая, которая все детство за тобой по пятам ходила. Та самая, которая в шестнадцать отбила у тебя того красавчика с мопедом, но только потому что он тебя до слез довел. И потом я его жестко бросила. Помнишь?! Та самая, которая всегда и во всем была на твоей стороне, за что по-

лучала от родителей...

— Я знаю! – перебиваю я ее, чувствуя, как горят щеки.
– Я сошла с ума.... Теперь понимаешь?! Он мне вчера все объяснил. Т.Ю. – это ювелир. Часы – для меня. А я... я чуть не разрушила все из-за своих фантазий.

Аня молчит. Долго. Потом тяжело вздыхает.

— Боже, Катя. Что с тобой происходит? – в ее голосе нет уже гнева, только тревога. – Это не просто подозрительность. Ты действительно не в порядке. Может это депрессия. Знаешь, в нашем с тобой возрасте она подкрадывается незаметно... А потом, БАЦ!

— Что БАЦ? - испугано переспрашиваю.

— Да все, что угодно. Ты как себя чувствуешь?

Я сжимаю пальцами виски. Голова снова начинает раскалываться.

— Не знаю. Иногда кажется, что провалы какие-то. Как будто я засыпаю на ходу.

Аня встает, обходит стол и обнимает меня за плечи. Ее

прикосновение неожиданно теплое и успокаивающее.

— Слушай, а может, тебе к врачу сходить? Провериться? Просто для успокоения. А то я тебя теряю, сестренка.

Я закрываю глаза. Может, она и права. Может, во всем виновата не его холодность, а какая-то моя болезнь.

— Ладно, – сдаюсь я. – Схожу.

— Молодец, – она гладит меня по волосам. – А сейчас давай сделаем вот что. – Она отпускает меня, берет со стола часы и сует мне в руки. – Иди и надень их.

— Что? – я смотрю на нее в ужасе.

— Надень. Сейчас. Это твои часы. Твой муж, какой бы он ни был козел, подарил их тебе. Ты должна это принять. Хотя бы попробовать.

Я смотрю на сверкающий циферблат, на сложный браслет. Они кажутся мне такими тяжелыми. Такими чужими.

— Я не могу.

— Можешь, – настаивает Аня. – Это просто часы. Просто

металл и стекло.

— Я хотела подарить их Маше. И даже Диме уже сказала, он не против.

— Маше?! Ты сама-то хоть думаешь, что хочешь сделать?! Дарить Маше-растеряше, скажешь тоже... - Аня на миг запинаятся, будто сначала в чем-то проболталась, а потом поняла это. Но она тут же широко улыбается и я забываю об этом ощущение, которое «словила».

— Давай, Катя. Надень это немедленно! - командует мне она.

Марсик мяукает. Громко. Будто одобряет.

Дрожащими пальцами я застегиваю браслет на запястье. Часы сидят идеально. Как будто сделаны для меня. Они холодные и невероятно тяжелые.

— Ну вот, – Аня смотрит на мою руку. – Смотрится... солидно.

— Как будто на мне наручники, – пытаюсь пошутить я, но шутка не получается.

Аня смотрит на меня, и в ее глазах я вижу не просто сестринскую любовь. Я вижу страх. Но сестра быстро отводит взгляд в сторону.

— Теперь ты практически готова, - говорит она, стараясь придать тону бодрость и некоторую отстраненность.

— К чему? - спрашиваю я. Страх, который я увидела в ее глазах, переходит на меня, как икота на Федота.

Глава 13

— К приему у врача, конечно! — слишком быстро отвечает Аня, хлопая меня по плечу. — Но знаешь, Кать, может, нам сначала попробовать что-то менее радикальное? Маша вчера всучила мне две гостевых визита в фитнес-клуб. Говорит, мне надо расслабиться. А я подумала — нам обеим не помешает. Вода, сауна... Может, и врач не понадобится?

Идея кажется гениальной. Физическая усталость вместо этой душевной измотанности.

— Но мы с Димой договорились... — неуверенно начинаю я. — Вчера вечером не получилось, хотели сегодня поужинать вдвоем, наверстать.

— Успеешь! — тут же парирует Аня. — Мы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.